

Князев Василий Васильевич

**Частушки красноармейские и о
Красной Армии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич К.**
Частушки красноармейские и о Красной Армии / Князев Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-89431-9

Филологические науки. Художественная литература. ФольклорФольклористика. Российская Федерация. Фольклор восточных славян. Русский фольклор. Фольклор советского периода. Произведения фольклора и их исследования. Фольклор отдельных социальных и профессиональных групп и слоёв населения, Филологические наукиХудожественная литература. ФольклорФольклористика. Российская Федерация. Фольклор восточных славян. Русский фольклор. Фольклор советского периода. Произведения фольклора и их исследования. Образы, темы, сюжеты

ISBN 978-5-519-89431-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРАСНАЯ АРМИЯ В ЧАСТУШКАХ.

I.

Везде и всюду, кроме Советских Республик, армия, это — остроотточенные, покорно-готовые, как к обороне, так и к захватническим нападениям, „штыки“.

И — только.

Этим и ограничивается их жизненная роль.

Остроотточенность и покорная готовность (иными словами — боееспособность) создается особыми приемами казарменного воспитания, лучше всего переданными солдатской прибауткой недоброго нашего, дооктябрьского, прошлого:

„Руки—по швам,
Голову—в карман“.

Дисциплина и человек — автомат!

Солдат не должен мыслить. Солдат не имеет права мыслить. Мыслит за него — начальство.

Техника казарменного воспитания, опять-таки, лучше всего обрисована солдатскими пословицами и прибаутками:

„Недовернешься — бьют, и перевернешься — бьют“

„Бритвы нет, так шило бреет;

„Шубы нет, так палка греет“...

Битье, битье и битье!

Отсылаем читателей к повести Куприна „Поединок“, некоторые страницы которой целиком посвящены изображению этой палочной и зубодробительной системы превращения мыслящего живого человека в покорно-готовый и остроотточенный „штык“.

Вернувшись в деревню, искалеченный человек приходится здесь не ко двору, чувствует себя чужаком, мучается и доставляет невыразимые мучения окружающим. Об этом хорошо передано в рассказе Соболя — „Порченный“, посвященном такому, изуродованному царской казармой, пахарю.

II.

„Солдат — отрезанный ломоть“...

„Солдат — горемыка, хуже лапотного лыка“...

„Двадцать пять лет — солдатский век“...

И не мудрено, поэтому, что стары, дооктябрьские, посвященные солдатчине, частушки, почти сплошь — стоны, жалобы и слезы.

Жалобы, стоны и слезы начинаются непосредственно с момента отправления в город, в ненавистный „приемный дом“.

Девушка, невеста новобранца, поет:

Городской приемный дом,
Стори ты синиим огнем;
Стори ты синиим огнем —
Чтоб не сдавали Колю в нем!

А сам жених, рекрут, такими словами передает свое душевное состояние перед черной разлукой:

Ты сыграй, а я спою
Про участь горькую мою;
Участь горькая моя —
Сдают в солдатшки меня.

Или, еще более определенно:

Пойду, выду на могилу,
Разбужу родную мать:
„Ты вставай, родная мать,
Со мною горе горевать;
Со мною горе горевать —
Меня в солдаты провожать!“.

Нет никакой нужды передавать жалобы и стоны слезные следующих этапов: расставание — дорога — город — прием — забрит — казарма.

Дайте ножик повострее,
Тошно сердцу моему:
Моя молодость проходит
В серокаменном дому!

Стоны и жалобы, сплошные моря слез — вот чем сопровождалась „рекрутчина“ в старой, дооктябрьской России, вот что видели и слышали в ней сурово-безмолвные стены гробов-казарм.

III.

Но совсем другое дело призыв и казарма нашего, после-
октябрьского, времени.

„Солдата“ в прежнем понимании этого слова, — теперь
у нас нет.

Есть — красноармейцы, воины-граждане. Командир —
в подавляющем большинстве, такой же крестьянин и
рабочий, как и рядовые красноармейцы, — не только началь-
ник (по опытности и знаниям), но и учитель, друг,
товарищ.

Штыки их остроотточены на случай чьего-либо разбой-
ничьего нападения на СССР, но случаи захватнических
наскоков на земли соседей — вычеркнуты раз навсегда.

Красноармейцы знают, зачем они идут в красную ка-
зарму:

Собралась нас полна рота
Из рабочих батраков—
Защищать свои советы
От богатых кулаков.

Гражданская война, вообще, воспитала в них воинов-гра-
ждан, прояснила сознание их, указала им единственно при-
емлемый для труженника, прямой, правый путь.

Ведь перед их глазами протекали потрясающие сцены
классового мщения и террора озверевших буржуа-золото-
погонников:

Яму вырыли большую
Генералы-палачи,
Всех рабочих становили
И стреляли до ночи,

Золотопогонники воображали, что такие устрашитель-
ные меры, подавив сознание, вернут им их „взбунтовав-
шихся рабов“, когда-то столь покорных и безответных. Но
выходило наоборот:

„Эх ты, Ванюшка—голубчик
Ваня славный побратим,
Возьмем Ваня по винтовке,
Да на белых покатым“.

И потом,—когда винтовка уже в мозолистых руках тру-
женника, осознавшего классовый характер гражданской
войны:—

Мы с братишкой-Ванюшкой
Поменялись кольцами:
За советску власть в солдаты
Идем добровольцами “!

Гражданская война явилась великолепной политической школой. Система классового террора справа рожала совсем не то, на что рассчитывали устроители:

Не старайтесь, офицеры,
Красну армию разбить:
Ваше времячко минуло,
И по старому не быть!

IV.

Целых три года продолжалась непрерывная кровопролитнейшая война. Вот бы, казалось, удобный случай для слез, стонов, бесконечных жалоб!

Послушайте, что говорит деревенская девушка 18-го, 19-го и 20-го гг.

Когда Коленьку забрали,
Я взяла с него обет:
До последней капли крови
Защищать в бою совет.

А другая девушка-героиня говорит своему ненаглядному:

Милый мой, милый мой,
Ты возьми меня с собой:
Ты служить будешь с винтовкой,
Я служить буду сестрой!

И не только „сестрами“ уходили на фронт героически: дочери рабочего класса:

Мой миленок коммунар,
А я — коммуналочка:
На позицию пошлют,—
Отчаянная парочка!

Ни слезы, ни стоны, ни жалобы, а — сознание необходимости борьбы, горделивое любованье своим ненаглядным „героем“, жажда разделить с ним классовую страду:

Милый пишет мне письмо:
С белыми сражается,
С красным орденом домой
В отпуск собирается.

Кабы были сизы крылушки,
Серебряный полет,—
Полетела бы я, девушка,
К миленочку во флот.

В песенках девушек запечатлена и другая сторона облика
красной послеоктябрьской казармы.
Девушки — любят красноармейцев:

Золотое-то колечко
Только вечером горит,
У девчечке сердечко
По курсантике болит.

Я сидела у окошка
Шила милому платок;
У милого есть гармошка,
А на шапке молоток.

То не ветер ветку клонит,
Сама ветка клонится;
За хорошеньким армейцем
Сама девка гонится.

Но за что любят девушки красноармейцев? За их красоту?
За воинскую удаль, неколебимую решимость одолеть оше-
тинившегося перед гибелью своею классового врага? И за
то, и за это. Но на ряду с этим (а может быть, и глав-
ным образом) за то, чего прежде не было и не могло быть.
Девушка любит красноармейца вот за что:

Как милого не любить
По его портрету:
Стала грамоту учить
По его совету.

Красноармеец является проводником просвещения! Мало
того, смычка города с деревней, без наличия этого вязу-
щего звена, вряд ли удалась бы нам в полной мере.

Нет слез, жалоб и стонов в оставленной красным рекрутом родной деревушке.

Нет их и в вольной казарме.

Сознательный защитник советской власти стоит на страже завоеваний своей революции, каждый момент готов ошестинившемуся врагу дать колющий смертоносный отпор:

Мы изжить хотим напасти,
Чтоб покой себе добыть,
А врагов советской власти—
Били, бьем и будем бить.

Он далек от хвастливого, — „квасного“, как говорили в старину, — патриотизма прежней палочной и зубодробительной „солдатчины“: — „шапками закидаем“!!! И, если слышим мы от него:—

„Всю Рассею переедем,
Всю Европу перейдем:
На советы кто полезет —
Тому голову свернем!“

то это вовсе не хвастание, а результат пережитого-переиспытанного. Ему, действительно, приходилось биться и „свертывать головы“ представителям чуть-ли не всей Европы. Он бил — чехо-словаков, японцев и американцев в Сибири. Он столкнулся в Ледовитый океан — англичан, а в Черное море — французов, греков и итальянцев. Он имеет право на эти горделивые, полные сознания собственной мощи, строки:

Враг на нас все зубы точит,
Да грозит из далека:—
Испытать еще, знать, хочет
Крепость красного штыка!

Вот что такое красный воин Союза Советских Социалистических Республик!

А каково отношение к нему массы, — лучше всего раскрывает такая вот частушка:

Вы служите, не тужите,
Красные солдатики:
Вы теперь нам не чужие,
А родные братики.

И в этом — залог крепости, роста и непобедимой несокрушимости армии рабочих и крестьян.

Василий Князев.

ЧАСТУШКИ КРАСНОЙ КАЗАРМЫ.

П р и з ы в.

Эх ты, Ванюшка—голубчик,
Ваня славный побратим,
Возьмем, Ваня, по винтовке,
Да на белых покатим.

Мы с братишкой Ванюшкой
Поменялись кольцами;
За советску власть в солдаты
Идем добровольцами.

Собралась нас полна рота
Из рабочих батраков—
Защищать свои советы
От богатых кулаков.

Прощай, улица Зеленина,
Чайнуха „Куринок“ —
Ухожу я в стаю Ленина,
Веселый паренек.

Погуляем, сколько знаем,
Покутим сколько хотим;
После первых морозцев
В Красну армию катим.

Запрягай-ка, батька, коней,
Тройку карих лошадей, —
Провожай сынка в армейцы
В город Ладогу скорей.

Скоро-ль, скоро-ль повезут
По ямбургской дорожке?
Скоро-ль, скоро-ль нам дадут
Армейские сапожки?

Я парнишка-некрутишка,
Небольшой, да боевой:
Ожидай меня, мамаша,
С красным орденом домой!

В красной казарме.

С измалетства сбаловался
Водку пить, табак курить, —
В Красну армию забрали,
Перестал теперь дурить.

Красна армия велика
За три года выросла,
Бой с наемным генералом
Она честно вынесла.

Как теперь почетно стало
В Красной армии служить,
Для защиты всех трудящихся
За врагами последить.

Мне в деревню неохота,
И по милой не тужу,—
Добровольцем больше года
В Красной армии служу.

Меньшевик сказал Чернову:
„Открывай торговый склад,
Старых русских генералов
Отдавай-ка на прокат!“

Всю Рассею переедем,
Всю Сибирь пешком пройдем,
На Советы кто полезет —
Тому головы свернем!

Мы изжить хотим напасти,
Чтоб покой себе добыть,
А врагов советской власти
Били, бьем и будем бить!

Враг на нас все зубы точит
Да грозит издалека;
Испытать, знать, снова хочет
Крепость красного штыка!
